

Судебное разбирательство между братом и сестрой длится два десятка лет

НЕТИПИЧНЫЙ БОМЖ

СЕГОДНЯ СЛОЖНО переоценить важность и стоимость своего жилья. Для кого-то квартира становится несбыточной мечтой, для кого-то — желанной собственностью, а для кого-то — предметом наживы. Могущественники знают тысячу и один способ лишить человека жилой площади. Свидетельством тому — многочисленные квартирные аферы, провоцируемые по всей стране.

Тут нужно ввести разграничение: одно дело, когда беда приходит извне, другое, когда неожиданный удар наносит свои, с тыла. Семейные тяжбы по квартирным вопросам становятся в наши дни едва ли не рядовой ситуацией. Делить, отсуживать квадратные метры не гнушаются даже весьма популярные персоны. Что уж говорить о простых смертных...

Нежданно-негаданно

— Я бомж, — такими словами начал свой рассказ Иван Быковцев.

Оглядев пожилого человека, я пришла в некоторое замешательство: да, одет более чем скромно, но на типичных бомжей, от которых шаркаются на улицах, не похож. Еще поразила интонация голоса — спокойная, осознанная и безысходная. Согласитесь, не просто признаться себе и окружающим, что ты — человек без определенного места жительства, без пресловутых четырех стен и потолка. Как старик в 78 лет остался без крыши над головой, без своего угла?

— Начну по порядку, — продолжает Иван Федорович. — Мое бомжевание длится уже не один десяток лет. В 1960 году я получил двухкомнатную квартиру в доме по улице Помяловского, по ордеру в ней были прописаны и проживали четверо: я, моя жена, дочь и престарелая мать. Летом 1965 года из-за болезни дочери мы были вынуждены выписаться и выехать в сельскую местность, в Еткуль, а в квартире, в соответствии с документами, осталась жить моя мать. Воспользовавшись нашим отсутствием, в мою, по сути, квар-

ФОТО АМИТРИЯ РУХМАЛЕВА

тиру прописалась моя старшая сестра. Мать поддалась на ее уговоры — прописала. Когда через год жена и дочь решили вернуться из Еткуля, сестра попросту не пустила их на порог. Супруга с ребенком осталась в Магнитогорске жить на съемной квартире, а я начал предпринимать попытки обосноваться в селе, затем с 1973 по 1985 год работал крановщиком в Якутске, чтобы обеспечить семью. С Севера пришлось вернуться — надо было ухаживать за больной матерью. Соответственно, снова прописался в своей квартире с согласия матери, теперь уже во второй раз — в 1987 году. Надо сказать, что старшая сестра хоть и была прописана в моей квартире, но с матерью не жила и за ней не ухаживала, поскольку у нее была своя семья. «Жилье» она приходила лишь изредка проводить.

Это были цветочки...

Из повествования Ивана Федоровича становится ясно, что, по меньшей мере, он столкнулся с несправедливостью, если не сказать больше. Далее события стали приобретать мистический, порой даже детективный характер.

— Тремя годами позже, пос-

ле моего приезда к матери, в 1988 году, однажды ночью в нашу дверь постучал участковый милиционер. С ним были еще три человека, а также моя сестра с мужем. Они угрожали взломать дверь, я был вынужден открыть. После этого меня привели в участок, изъяли паспорт и велели прийти на следующий день. При получении документов я обнаружил, что выписан из своей квартиры. Я не понимал, почему, недоумевали и мои соседи. Потом спросил участкового: мол, за что со мной так? Он ответил: «Говорили, что ты пьяница, дебошир и туеядец. Извини, погорячился». Вот так я остался без прописки, но по-прежнему жил в квартире в доме на Помяловского и ухаживал за больной матерью до ее смерти. Мама умерла 18 января 1993 года, хоронили мы ее вдвоем с другой сестрой, а наша старшая узнала о смерти матери лишь в марте. Именно в этом месяце дверь моей квартиры взломали, вывезли вещи, укралли ордер на квартиру. Участковый на мою жалобу о пропаже прореагировал с ехидством и ни в чем разбираться не стал. В это же время появилась ордер-фальшивка, а в августе 1993 года сестра единолично приватизировала мою квар-

тиру. У меня есть обе ксерокопии дубликатов ордеров, которые я получил в домоуправлении. Нетрудно заметить, что они отличаются друг от друга. В подлиннике полностью указаны фамилия, инициалы прописанных людей, проставлены дата выдачи ордера, метраж квартиры, а в другом варианте нет. Но представитель администрации г. Магнитогорска искивые требования о признании недействительным договора приватизации квартиры не признал, пояснил, что при приватизации спорной квартиры старшая сестра Быковцева проживала одна и приватизировала ее в соответствии с законом. Как ей все это удалось, остается только догадываться.

Мысли вслух

Ситуация, в которой оказался Иван Федорович, вызывает глубокое и искреннее сочувствие. Приехав ухаживать за матерью в 1985-м, спустя два года он вселился и прописался на данную жилплощадь, но в январе 1988 года его сестра обратилась в суд с иском о выселении брата из квартиры, так как она не давала согласия на его прописку. Иск был удовлетворен. Шестью годами позже, постановлением президиу-

ма Челябинского областного суда от 2.02.1994 все судебные постановления были отменены, но квартира уже была приватизирована старшей сестрой Быковцев (в 1993 году) — на тот момент, кроме нее, на этой жилплощади никто не был прописан.

Судебные разбирательства между братом и сестрой длятся уже почти двадцать лет. Дело о спорной квартире на Помяловского перевалило за третий том! Весы Фемиды склоняются то в одну, то в другую сторону, удовлетворяется то иск брата к сестре, то наоборот, одним решением суда выселяют Ивана Федоровича, другим же признают его право на данную спорную квартиру. Последнее решение суда было не в пользу Быковцева. Но незадолго до Нового года Ивану Федоровичу пришел ответ от 13.12.2006 за № 16-882-05 из областной прокуратуры: «Ваше обращение рассмотрено. В прокуратуре области изучен материал следственной проверки по Вашим заявлениям о незаконных действиях. Установлено, что проверка по вашим заявлениям проведена не в полном объеме, в связи с чем заместителем прокурора области постановление об от- казе в возбуждении уголовно-

го дела от 27.11.2006 отменено, материал направлен на дополнительную проверку. Даны указания о проведении конкретных проверочных действий. Ход дополнительной проверки поставлен на контроль в прокуратуре области». Нетипичного бомжа это письмо несколько обнадежило.

Жизнь продолжается, а для Ивана Федоровича она тянется от одного судебного заседания до другого. Он, скорее, уже не о себе печется, не о своем благополучии ратует, а о будущем сына. Федору 16 лет, он учится в профессиональном училище и разделяет участь своего отца: живет, где придется, где временно приютят. Есть у нашего собеседника дочери, да обременять он их не хочет. «Они от первого брака, сын от второго. Зачем мы им?» — рассуждает Иван Федорович.

Какой ты мерой меряешь, такой и тебя будут мерить

— Скажите, как же вы с ребенком столько лет без жилья, без работы?

— Так и жили: до смерти матери на Помяловского или в Инзере у сестры, а уж потом на вокзалах ночевали, а летом в палатках в Молжиге. Там меня милиционер подобрал, на работу сторожем в гараж пристроил. Все вроде бы нормализовалось. Органы опеки предложили мне сына в интернат отдать, все же там и тепло, и питание, и школа. Я поразмыслил и согласился — мальчишке лучше в интернате будет, но от сына не отказался, он всегда со мной. Вот сейчас в училище учится, снова вместе живем. Нас в старый домишко до мая пустили, мы его слегка отремонтировали. Пенсию 1600 рублей получаю. Вот вы спросили, как Федора без прописки в училище приняли? Учился он хорошо, да и мир не без добрых людей...

Удивительно, как человек, лишившийся жилья, не обозлился, не спился, не опустился на дно жизни, а целеустремленно изо дня в день продолжает верить, бороться за место под солнцем. За крышу над головой, за то, чтобы стоял штамп на пятой странице паспорта...

ЕЛЕНА КОФАНОВА.

Национальная черта

ЕСТЬ МНЕНИЕ

ЧЕГО ПРОЩЕ — заварить чай? Однако можно такой чифирь сготовить, что сердце остановится. Древнегреческий философ Демокрит говорил: «Если перейдешь меру, то самое приятное станет самым неприятным».

Раньше в столовых висели плакаты: «Хлеба к обеду в меру бери. Хлеб — драгоценность, им не сори!» Не внимали: и сорили, и ели сверх меры. Результат — на каждом шагу: отвислые дрожжевые животы. Но нам мало этого, мы еще камни лепим в себе из «золотой пыли» — мелко просеянной пшеничной муки: пироги, торты, пирожные, печенье,

булочки, блины. Мудрец был прав: все — лекарство и все — яд, дело только в дозе.

Спиртное валит наповал миллионы людей, превращая лекарство в яд, но опять же дело в дозе. Та же история с картошкой: и калий в ней, и цветки ее целебны, и сырую можно есть, и хранится без хлопот, и масса блюд из нее. Разогреваемая несколько раз в день все на том же масле, превратившемся в олифу, картошка-обжаренная становится скрытой отравой. Одна знакомая бабушка дожила до глубокой старости, полжизни проходила в черном ветхом халате. После ее смерти в подполе банок двести компотов и солений осталось, крышки проржавели. Не знала хозяйка меры. Много пишут о пользе ледяных обливаний. Много

лет лежит в сырой земле Валентина С., с которой в свое время я работал в плавательном бассейне. Поклонница Порфирия Иванова, энергичная, рукодельница, швея, а уж доброты — через край. С каким блаженством обливалась холодной водой на снегу босиком! Со временем появились сильные боли в голове и страшная болезнь — саркома. Кому холод полезен, как Порфирию Корнеевичу, а кому — наоборот — полезна горячая банька...

Чрезмерность, безразмерность во всем — наша национальная черта. Ее питают огромные пространства России и ее баснословные богатства. Мера, разумность, достаточность, гармония, соразмерность во всем — это здоровье и красота.

Вот знакомая картина из жизни

садоводов-любителей. Выходим из автобуса, идем на свои дачи. Тащит тележки и ведра, в основном, пожилое и совсем старое поколение. Где же дети, внуки? Наша безразмерная, безрассудная, слепая любовь к ним сделала многих из них эгоистами-защитниками, отлучила от родной земли. Земля — не только кормилица, земля — понятие священное, непостижимое. И до тех пор, пока она будет заброшена и заплевана, не будет нам счастья.

История одиноких бабушек и дедушек примерно одинакова: задыхаясь, шатаясь из стороны в сторону, заводят они со мной беседу по дороге в сад. Приходится слушать одно и то же: живут одни, ноги не слушаются, с утра давление, под языком таблетка, дети на Севере или

в другом городе, а сады бросить жалко. Может, детям пригодятся? Есть у них отдельные квартиры, небольшие пенсии. Много веков назад сказано: «Нарушение меры даже в добрых делах порочно».

В семидесятые годы мы с Виктором Кротовым работали электромеханиками. Так вот он, когда простывал и сильно кашлял, принимал за один раз по 10–12 таблеток вместо одной по указанию врача: чего, мол, валандаться! Сразу принял — и кашель нет. Со временем такие переборы сказались: посадил сердце и в расцвете сил ушел из жизни.

А, впрочем, к чему нам старая истина: во всем нужно знать чувство меры?..

ГАРРИ ВЛОДАРЧИК, ветеран труда.